

ПРИЗВАНЬЕ ГРАФСКОЙ УСАДЬБЫ

Валерий Тусев

ЭКСМО

Валерий Борисович Гусев
Призраки графской усадьбы
Серия «Дети Шерлока Холмса», книга 4

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163318
Призраки графской усадьбы: Эксмо-Пресс; Москва; 2009
ISBN 978-5-699-38236-1*

Аннотация

Неужели в тихом городке готовится ограбление века?! Ведь директор местного музея, где хранятся бесценные экспонаты, получает анонимные письма, в которых его об этом предупреждают. Но зачем преступникам выдавать себя? Что это: просто чья-то шутка или тонкий злодейский расчет? А может, тут не обошлось без... призраков, что, по слухам, водятся в бывшей графской усадьбе? «Ясно одно – нельзя сидеть сложа руки!» – думают пятеро неразлучных друзей и начинают действовать. Дождавшись, когда музей опустеет, ребята забираются в старинную карету, и ровно в полночь...

Содержание

Глава I	4
Глава II	18
Глава III	30
Глава IV	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Валерий Гусев

Призраки графской усадьбы

Глава I

Свет в темном окне

– А что за письма? – спросил Костик.

– Даже не письма, – Колька достал из кармана и протянул Костику несколько сложенных тетрадных листков. – Записки какие-то странные. Угрожающие.

Ребята сидели в лодке. Привязанная носом к мосткам, она шевелилась в водных струях, как живая: то жалась к берегу, то порывалась оттолкнуться от него к середине реки.

– «Эбенезеру Дорсету, эсквайру, – начал читать Костик вслух. – Досточтимый сэр! Почитаю своим долгом известить Вас, что на бесценные экспонаты вверенного Вам музея готовится злодейское покушение, время которого, к величайшему моему сожалению, мне неизвестно. Не желая обременять Вас изъявлениями благодарности, остаюсь для Вас как *Неизвестный*».

Костик покачал головой, пожал плечами, развернул сле-

дующий листок. Текст на нем был написан другой рукой, в другом стиле, с ошибками: «Дед слиди за сваей хатой а то тут есть пацаны который непроч ее навистить и пакапацца в тваем старом барахле».

– Все остальное в том же духе, – сказал Колька. – Ваше мнение, досточтимый сэр?

– Подожди... Как они к тебе попали?

– Дядя Андрей отдал. А ему – начальник милиции. Говорит: ваш участок – вы и разбирайтесь.

– Колян, давай по порядку. – Костик сложил развернутые листки в стопочку, подровнял ее.

– По порядку так по порядку. Ты музей в Дубровниках знаешь? – Костик кивнул. – Примерно месяц назад кто-то стал подбрасывать туда эти письма. Причем только одно пришло по почте. А остальные находили в залах, в кабинете директора, в мастерской, где экспонаты ремонтируют...

– Реставрируют, – машинально поправил Костик, внимательно слушая.

– Какая разница, – отмахнулся Колька. – Директор, конечно, забоялся, сообщил в милицию. Там сначала тоже забеспокоились. Дядя Андрей несколько ночей в засаде просидел. И – ничего, никаких «пакапацца». Ну, решили, что кто-то хулиганит. Из наших пацанов. Вот дядя Андрей эти письма мне и отдал. Говорит, попробуй со своей детективной командой разобраться. Вот так, досточтимый сэр.

– Кое-что мне ясно, – задумчиво проговорил Костик. –

Первое: письма писали двое. Один из них – человек достаточно грамотный и начитанный, если он знает рассказ О'Генри «Вождь краснокожих». Другой – попроще. Второе: письма написаны в одном доме.

– Это почему?

– Листки одинаковые, – пояснил Костик. – Из одной тетрадки. Смотри, – он показал стопочку, – страницы одного формата и дырочки от скобочек совпадают.

– Точно, – согласился Колька. – Я еще заметил, что на некоторых листках вдавлилки остались.

– Правильно, – подхватил Костик. – Это, вероятно, на верхнем листе писал тот, что не шибко грамотный. Нажимал сильно, старался, язык высовывал.

– Отпечатков языка не обнаружено, сэр, – хмыкнул Колька. – А третье?

– В этом доме, где писались записки, есть пацан. Ученик первого класса.

– Косая линейка? – догадался Колька. – Но зачем это все делается? Для хохмы?

– Может, и для хохмы... А может, знаешь, для чего? Чтобы на самом деле ограбить.

– Зачем же предупреждать об этом? Дурь какая-то!

– Не дурь, – Костик покачал головой. – Не дурь, а расчет. Помнишь рассказ про маленького пастуха, который все шутил: волки, волки! А когда и впрямь волки напали на стадо, никто выручать не побежал – не поверили. Ты дядю Андрея

не догадался спросить: срабатывала в музее сигнализация?

– Он сам сказал: два раза. Оба раза приезжал наряд милиции, но никого не застал.

– Вот видишь! Если она срабатывает опять, то уже особо торопиться не будут. Знаешь как? «Старшина Иванов, отправляйтесь на вокзал – там совершена кража личного имущества, а на обратном пути заверните в музей, опять у них сигнализация барахлит». – Костик вернул письма Кольке. – Давай, Колян, съездим туда, посмотрим на месте. Может, что придумаем.

– Давай! – загорелся Колян.

– Миху возьмем?

– Однозначно. Он мне надоел уже, говорит, что это привидения по музею бродят и письма подбрасывают. Не спится им в лунные ночи.

Музей располагался на окраине Дубровников, в старинной городской усадьбе графа Шувалова. К нему вела широкая аллея из густых и развесистых лип. В вековых ветвях могучих деревьев зло и хрипло каркали вороны стаи.

Под липами рядками стояли мраморные статуи, запачканные птицами, исписанные дураками, иные без носов, иные без рук или на одной ноге.

Аллея заканчивалась старинными коваными воротами, одна створка которых скособочилась и, чуть покачиваясь на ржавых кривых петлях, скрипела, как старые вороны на ли-

пах.

Снаружи здание имело грустный, заброшенный вид. Оно обветшало, немного присело на один бок. Узкие высокие окна, зажатые меж пузатых, облупленных, в серых разводах колонн. Выбитые ступени и ржавая решетка парадного крыльца. Облезшая на дверях краска завивается стружкой. Вдоль фасада – старинные фонари: покосившиеся, погнутые, без стекол.

– Этот музей, – поморщился Миха, – типичный дом с привидениями.

– Ты много их повидал? – усмехнулся Колька.

– Спроси хоть у кого – тебе скажут: в этом доме всегда что-то происходит. Тут какой-то князь жил в прошлом веке. Так он исчез без следа.

– Испарился?

– А я знаю? Вечером заперся в своей комнате, а утром не вышел. Стучат – не отвечает. Дверь сломали, а там... никого! – Миха уже шептал, тревожно сверкая глазами. – Только на полу – оторванная пуговица.

– Какие подробности! – хмыкнул Костик. – Через полтора лет.

– А сколько дырочек? – серьезно спросил Колька.

– Где? – оторопел Миха.

– В пуговице. Две или четыре?

– Нисколько. С ушком была пуговица, от мундира... Но с тех пор, если кто в этой комнате ночует, с ним обязательно

что-нибудь случается.

– Пуговицы оборвут? – в один голос засмеялись Костик и Колька.

Но Миха и не думал сдаваться. Всегда, если ему не верили, он начинал нести такую околесицу, что потом и сам удивлялся. Так уж он был устроен.

– Один мужик, журналист, там ночевал. Поседел наутро. И заикой стал. Говорит – из с-стены г-глаза на него л-лупали, как ж-живые, даже по-по-подмигивали...

– Все, – отрезал Колька, – пошли в музей, а то мне уже страшно.

Если снаружи здание своим заброшенным видом вызывало жалость и какую-то необъяснимую тревогу, то внутри оно было полно жизни. Правда, совсем другой, словно из другого мира. И тоже – беспокойной.

Это был необычный музей. Каждый зал в нем стал живой иллюстрацией к какой-то эпохе или историческому событию. Здесь экспонаты были не просто предметами старины – они безмолвно, но очень красноречиво рассказывали о людях своего времени, об их быте, светлых мечтах и мрачных трагедиях...

Через пять минут ребята уже забыли, зачем пришли. Они зачарованно, с распахнутыми глазами и открытыми ртами переходили из зала в зал, разглядывая все, что им неожиданно открывалось.

А открывались странички прежней, очень далекой жизни, которую изображали манекены, одетые в костюмы соответствующих эпох. И они не просто стояли истуканами, а очень убедительно представляли характерные жанровые сценки былых времен.

Вот сидят игроки за зеленым столом. На столе – фигуристые подсвечники с оплывшими свечами, карты, золотые монеты, раскрошенные мелки. На лицах игроков – не безразличие масок, а подлинный азарт, отчаяние, восторг удачи.

Вот сцена дуэли. Один из противников, в цилиндре и длинном пальто, уже сделал свой выстрел и еще не опустил пистолет, из ствола которого, казалось, вьется легкий дымок. Другой, видимо, раненный этим выстрелом, припал на колени и пытается встать. Пистолет его безнадежно лежит в снегу. В глазах – боль и мука неутоленной жажды мести.

Вот купеческое семейство за чаепитием вокруг ведерного самовара, под висячей зеленой керосиновой лампой. На самоваре – жарком, пытящем и свистящем – ожерелье из аппетитных бубликов. На столе – пироги и пряники, орехи и леденцы. Во главе стола – хозяин с огромной смоляной бородой в распоясанной рубаше, самодовольный, распаренный. А крайний мальчонка-озорник воровато тянет с блюда лишний кусок синеватого колотого сахара.

Вот сцена казни какого-то мятежника. Бородатая голова его – на широкой дубовой плахе, руки стянуты сзади ремнем. Палач, с огромным блестящим топором и в красной рубаше,

улыбается за его спиной.

Все это было сделано так выразительно, что даже становилось жутковато. Казалось, застывшее здесь время вот-вот дрогнет и снова пойдет, как ожившие старые часы. Казалось, что эти восковые фигуры замирают только днем, а ночью продолжают свою, неведомую нам жизнь. Казалось – до мурашек по спине, – что они внимательно провожают посетителей недобрыми взглядами.

И ребята, которые вначале в восторге подталкивали друг друга локтем – мол, во здорово, – теперь поеживались, чувствуя себя гостями, из тех, кого хозяева мечтают поскорей спровадить.

Миха особенно недоверчиво осматривал немецких рыцарей, стоявших по бокам широких двойных дверей. Один из них сжимал железной перчаткой рукоять длинного, беспощадно блестящего меча. Другой, поставив у ноги щит с черным вороном на красном поле, опирался на толстое окованное копье. Позы их были настолько естественны, что создавалось впечатление, будто эти доспехи внутри не пусты, а надежно защищают своим железом древних воинов. Казалось даже, что в прорезях забрала посверкивают живые и внимательные глаза. Злые и коварные.

– Эти-то наверняка по ночам шастают, – сказал Миха. – Ножищами железными топают.

– Ты прав, отрок, – насмешливо донеслось вдруг откуда-то со стороны.

Ребята вздрогнули, обернулись.

У окна, у небольшого рабочего столика, заставленного всякими баночками и скляночками, сидел молодой человек в гусарском мундире, похожий на оживший манекен. Он бережно натирал какой-то пастой ржавое лезвие кавалерийского палаша. Под его ловкой рукой прямо на глазах с клинка сползала шелуха времен, и старинное оружие начинало хищно поблескивать.

Молодой человек встал, протер лезвие тряпочкой и несколько раз взмахнул палашом – клинок грозно пропел в воздухе, оставляя за собой сверкающие полосы.

– Ты прав, – повторил молодой человек и вложил палаш в ножны, висевшие на поясной португее у него на боку. – Все здесь, – он широко повел рукой, – живет своей жизнью.

Ребята подошли поближе.

Скрывая улыбку, юный гусар доверительно продолжил:

– Каждое утро, особенно в последнее время, я замечаю изменения в экспозиции. Без нашего участия.

– Это как? – хлопнул глазами Миха.

– Я вам открою тайну, – хитро прищурился молодой человек и зашептал: – Некоторые экспонаты оказываются не в том положении, что накануне. И даже, бывает, не на своем месте. То карты на столе не так разложены, то дуэлянты пистолетами поменяются. А однажды, – он поманил ребят пальцем, – я сам с вечера заменил свечи в подсвечниках... – Гусар выдержал эффектную паузу. – А утром от них одни

огарки остались. Вот так, отроки... А с неделю назад золото со стола игроков исчезло. Монеты, конечно, фальшивые, не жалко, но разве в этом дело... Даже вот эти балбесы, – гусар указал на доспехи у дверей, – однажды поменялись местами.

– Что я говорил! – воскликнул Мишка с торжеством – и с каплей страха. – А князь? Исчез?

Молодой человек не удивился вопросу.

– Исчез, – кивнул он головой в великоватом ему кивере, от чего тот спрыгнул ему на нос. – Это исторический факт, – гусар вернул кивер на место. – Комната его была заперта, окно закрыто. И никаких следов князя. На столе – догоревшие свечи, пистолет со взведенным курком и таинственная записка...

– А пуговица? – не отставал Миха.

– Какая пуговица?

– Оторванная. На полу.

– А! – усмехнулся молодой человек. – А как же! Даже две. С «мясом».

Миха открыл было снова рот, но Колька постарался опередить его:

– А что было в записке?

– Я сейчас не помню в подробностях. Но одна фраза не забылась: «Мне все время кажется, что за мной наблюдают из-за стены чьи-то внимательные, злые глаза».

– Вот! – Миха даже руки в боки упер. – А они не верят, – окинул он широким жестом своих оппонентов.

– А эта записка сохранилась? – недоверчиво спросил Костик.

– Да, – легко согласился молодой человек. – Где-то в запасниках, в архивах графа, бывшего владельца этого дома. Если интересно, я как-нибудь ее разыщу. – Гусар снова вытянул палаш из ножен и положил его на столик. – А сейчас вам пора, отроки. Мы закрываемся. Заходите в другой раз. Спросите Сашу – меня Сашей зовут.

– Вот что, – решил Колька, когда они вышли из музея. – Ты, Миха, брось свои замогильные бредни. Если правда, что экспонаты иногда меняют свои места, значит, кто-то в самом деле бродит по музею ночами и что-то в нем ищет. А светит себе – свечами. И записочки эти – неспроста.

– Что ты предлагаешь? – спросил Костик.

– Предлагаю наблюдать за музеем. И днем, и ночью. По очереди.

– Чур моя очередь последняя, – воскликнул Миха. – Не люблю я привидения с глазами из стен. Однозначно.

Ребята прошли немного по аллее и уселись на скамью рядом с мраморной женщиной, которую Миха за ее вид обозвал Мегерой Милосской.

Смеркалось. Из музея вышел Саша с какой-то светловолосой девушкой, запер двери и, проходя мимо «отроков», подмигнул им.

– Так и будем сидеть? – спросил Миха, поерзав на холод-

ном камне скамьи. — Домой хочу. Нам еще плыть два часа.

Быстро темнело. Сквозь густые кроны лип пыталась пробиться ранняя луна. Здание музея теряло свои очертания, пугало черными провалами окон.

— Между прочим, — деревянно проговорил Миха, — там, за музеем, — кладбище.

— Тихо ты! — Колька привстал, будто что-то услышал. — Смотрите! — и он протянул руку к дому.

В черной глубине одного из окон вдруг возник слабый огонек.

— Начинается... — прошептал Миха. — Поехали домой. Однозначно.

Огонек меж тем дрогнул и поплыл. Будто кто-то невидимый нес свечу, прикрывая ее язычок ладонью.

Это действительно было жутковато: пустой старинный дом со зловещей репутацией, запертый снаружи, — и плывущий в нем огонек! У ребят дыхание перехватило.

Огонек продолжал свое загадочное движение, последовательно появляясь в окнах. Иногда он задерживался, приостанавливался, опускался. Или, напротив, поднимался к потолку, будто кто-то хотел что-то внимательнее разглядеть при его слабом свете.

Потом он исчез в глубине здания.

Ребята перевели дух.

— Все, — решительно выдохнул Миха. — Хватит этих зрелищ не для слаонервных. Пошли в милицию.

– А если это просто сторож ходит? – осадил его Колька. – Над тобой давно не смеялись?

– А чего делать-то? И на кой нам это надо?

– Вот что, парни, – сказал Костик, – по-моему, дело тут серьезное. Для начала нужно поговорить с этим Сашей. Предупредить его. А потом...

– Потом, – задумчиво перебил его Колька, – потом я бы в засаду сел.

– Где?

– В музее.

– Кто ж тебе позволит?

– Кого ж я буду спрашивать? – в тон Михе ответил Колька. – Нужно перед закрытием музея там спрятаться.

– Ты даешь! Однозначно! А если нас засекут? Не отбреешься. Докажи, что не верблюд. Не, – протянул Миха, – и сам не пойду, и вам не дам.

Но Колька уже загорелся своей идеей. Он не любил нерешенных задач.

– Видели, там карета – здоровенная такая, вроде как трехспальная? Мы все там поместимся. А утром выйдем, как нормальные посетители.

– В наручниках, – буркнул Миха.

– Знаете, парни, – заговорил Костик, – а если нам с дядей Андреем согласовать? В случае чего он подтвердит, что мы не грабить забрались, а совсем наоборот.

– Он нам однозначно по шеям надает – и вся песня, – ска-

зал Миха.

Так ничего и не решив, друзья отправились на лодочную станцию, где оставили свою лодку. И пока шли аллеей, все оборачивались, поглядывали на черные окна загадочного дома...

Двигаясь знакомой речной дорогой, спящими протоками, среди своих лесов и полей, ребята немного успокоились, оставили позади гнетущие впечатления дня. И Костик сказал:

– Я, кажется, придумал, как нам подстраховаться.

Глава II

Тревожная ночь

В этой уютной деревеньке, среди малых рек и больших лесов Синереченского края, Костик жил уже второй месяц. С тех пор, как отец спрятал его здесь от бандитов у своего друга детства – участкового милиционера Андрея Ратникова.

Опасность давно миновала, но Костик упрямился отцу оставить его здесь до конца лета. Потому что он полюбил эти необычные для городского мальчугана края, где почти нет привычных дорог, а вместо них – извилистые речки с бесчисленной паутиной узеньких протоков, густо заросших по берегам склоненными к воде ветелками, а по воде – белоснежными кувшинками. Где вместо машин и автобусов – юркие, легкие на ходу лодки с задорно задранными носами, и каждый малец управляется с веслом лучше, чем с велосипедом. Где в дремучих лесах – никаких ржавых банок, раздавленных пластиковых емкостей из-под пепси и битых бутылок, а только птицы и звери, грибы да ягоды. Где реки порой выбегают из леса на бескрайние, залитые солнцем луга, а на лугах этих плавно волнуются пахучие цветы и травы, словно разноцветное море под ветром...

Но главное – Костик очень сдружился с местными ребятами. И пережил с ними опасные приключения.

Эти ребята сильно отличались от его городских приятелей. Они не посмеивались над его забавной фамилией – Чижик, которая, кстати, оказалась знаменитой и даже героической. Они не издевались над его городской неумелостью и терпеливо учили его всему, что умели сами.

Костик научился косить траву и сметывать душистое сено в стога, колоть дрова и топить печь, ловить рыбу и летать на «тарзанке». Ему нравилось ходить ранним утром к колодцу и нести в дом полные тяжелые ведра, выплескивая ледяную воду на босые ноги. Ему нравилось срывать мимоходом с грядки и с хрустом надкусывать крепенький пупырчатый огурчик, собирать в лесу первую землянику и нанизывать пахучие ягоды на тонкую травинку. Ему нравилось ночевать с ребятами на островах, в шалаше, у домовитого костерка с закоптелым чайником...

Признанным командиром в компании был Колька Челюкан – отважный, решительный, справедливый. За своих – горой. Но и на расправу скорый: «кто не согласен – тому в лоб».

Миха Куманьков – «лесной» человек. В лесу – как дома. Знает, где лучшая ягодка прячется, где первый боровичок проклюнулся, крепкий, как зеленое яблочко, в каком орешнике раньше других орехи поспевают. У Михи две слабости – любит чудное словечко перехватить и боязливым прикинуться. А в опасных делах от Кольки не отстает, за чужую спину не прячется.

Шустрый малолеток Вовчик своей преданностью общим

делам и сообразительностью не по летам тоже сумел найти свое место в дружной команде. Белоголовый, вихрастый – ровно воробышка после драки, круглый год в веснушках. Непоседа, спокойно шагу не сделает: чуть что, засверкал пятками – и нет его. Да где же этот Вовчик? А он опять тут, под ногами путается, и откуда взялся-то?

Серег, то есть Галка Серегина, – ясноглазый, надежный, красивый товарищ. По складу ума и характера – аналитик. Завиральные идеи друзей спокойно приводит к логичным выводам.

И, как ни странно, своим человеком в этой юной компании был и взрослый, милиционер Ратников. Отношения у них сложились доверительные, на основе взаимопомощи и взаимовыручки. Ребята даже в некоторых делах помогали инспектору. А он незаметно, ненавязчиво направлял их буйную энергию в мирное русло, отводил от озорства и опасных шалостей.

Довелось друзьям поучаствовать в борьбе с преступниками. Но это особые истории, уже рассказанные. А нам предстоит новая...

– Итак, что мы имеем? – спросила Галка, когда вся компания собралась на терраске у Кольки.

Летом почти все синереченские пацаны перебирались жить на такие терраски. Оно и понятно – намного вольнее и догляд со стороны взрослых не так эффективен: когда при-

шел да с чем ушел – кто знает?

Каждый обитатель терраски украшал ее в соответствии со своими вкусами и увлечениями. У большинства – надерганные из журналов всякие-разные рок– и поп-звезды, актеры и актретки, а то и просто красивые пейзажи, неизвестно откуда взявшиеся и какие страны изображавшие.

Колькина же терраска – особая. Похожая на учебный класс мореходной школы. На стене – в раздутых парусах, среди зеленых пенистых валов мчатся гордые клипера, пузатые фрегаты, стройные шхуны, строгие корветы. Тут же – карта Мирового океана, на которую Колькиной рукой нанесены красными пунктирами маршруты известных мореплавателей-одиночек. Здесь же – образцы множества хитрых морских узлов, флажковая азбука.

Колька мечтал о море, хотел после школы поступать в мореходку. Правда, по мере того, как крепла его дружба с участковым, Колька все чаще подумывал о другой профессии. О милицейской службе – нелегкой, опасной, но такой необходимой...

– Что мы имеем? – повторила Галка. И сама перечислила: – Загадочные письма угрожающего содержания – это раз. Несомненные попытки неустановленного лица... или группы лиц что-то негласно разыскать в музее – это два. – И сделала первый вывод: – Здесь я вижу явное противоречие. С одной стороны, эти лица вроде как хотят ограбить музей, а с другой – они шарят в нем, но ничего не крадут.

– А может, это разные лица? – предположил Костик. – Одни собираются грабить, а другие что-то ищут.

– Возможно, – кивнула Галка. – Следовательно, мы должны, во-первых, выяснить, кто и зачем бродит ночами по залам музея. Во-вторых, вычислить авторов анонимных записок. Их двое: один книги читает, а другой даже писать толком не умеет. И оба из одного дома, где живет первоклашка.

– Напомню, – добавил Колька, – что только одно письмо пришло по почте. А остальные появились прямо в музее...

– Ну и что? – спросил Миха.

– А то, что эти письма подбрасывал не простой посетитель, а человек, имеющий свободный доступ в музей. Ведь в кабинет директора посторонний не зайдет и на стол ему анонимку не положит.

– Правильно, – согласилась Галка. – Это наверняка делает сотрудник музея. Но мне еще почему-то кажется, что тайные поиски в музее связаны с историей этого загадочного дома.

– Романтика, – небрежно отмахнулся Миха. – Однозначно. Все, по-моему, просто. Какие-то жулики хотят ограбить музей, шляются в нем по ночам, присматривают, что подороже и как поудобнее вынести. А записки... – Он пожал плечами. – Про записки Костик в тот раз еще объяснил. Я с ним однозначно согласен.

– «Просто»? – передразнил Колька. – Сам ты, Миха, простой, как чайник на плите. Серега права. Будем искать по всем направлениям. И по романтическому тоже.

– А это как? – удивился Миха.

– А так. Заваливаемся в музей: «Здравствуйте, мы – юные краеведы! А это Костик – потомок князя Сергея, интересуется своим предком...»

– Хорошая идея, – признал Костик. – Кстати, при музее, во флигеле, гостиница есть. Я могу там поселиться...

– Блеск! – обрадовался Миха. – Все привидения твои будут! Однозначно!

(Эх, знал бы Костик, что его ждет в старом флигеле, он бы эту идею ногами бы растоптал...)

– А завтра, – сказал Колька, – попробуем разобраться, что за призраки по музею ночью бродят. Кто не согласен...

– Тому в лоб, – хором закончили друзья.

Перед тем как отправиться в засаду, Костик написал записку участковому и незаметно вложил ее ему в планшетку. Записка гласила: «Ув. тов. капитан, кто-то хочет обокрасть музей в Дубровниках. Мы решили его подкараулить и задержать. Если что – не поминай лихом. К. Чижик (псевдоним – К. Оболенский)». Это послание, как рассчитывал Костик, поможет им оправдаться, если возникнет какая-нибудь накладка.

Явившись на следующий день в музей, «отроки» постарались не попадаться на глаза гусару Саше и вообще не привлекать внимания. Побродили по залам, задержались в том, где стояли старинные экипажи, выбирая подходящий момент,

чтобы «занять места» в трехспальной карете.

Страшновато было, что и говорить. Но если вначале ребята опасались, что их застанут в запертом музее и с позором передадут в милицию, то теперь они, оставшись в темных таинственных залах, боялись совсем другого...

Вначале им повезло. Но удачное начало это еще не залог благополучного конца.

Карета была хороша. Ее огромный, но изящный по форме кузов, весь в резной позолоте, висел меж громадных деревянных колес на широких ременных рессорах. Правая дверца была закрыта и задернута изнутри плотными кожаными шторками. А левая, ближе к стене, гостеприимно распахнута, и из нее спускались до самого пола ажурные металлические ступеньки.

Перед самым закрытием музея, когда в залах никого уже не осталось, ребята скользнули за карету и осторожно, чтобы не качнуть ее, забрались в ее пыльное бархатное нутро. Уселись на мягкие подушки сидений, с любопытством осмотрелись.

В карете было уютно, как в мягком вагоне поезда. На дверцах – карманы для разных дорожных вещей и хитрые ремни, чтобы поднимать и опускать стекла, под ногами – какой-то резной деревянный сундучок, для припасов, наверное.

Сидели молча, затаив дыхание, не шевелясь. Миха зажал пальцами нос – ему, конечно, захотелось чихнуть: то ли от

вековой пыли, то ли просто по закону ехидства. Колька приник к щелочке меж шторок.

Разошлись сотрудники. Пришла уборщица, долго, ворча, шаркала шваброй и звенела ведром. Потом вдруг что-то негромко сказала. И ей ответил односложно... мужской голос. Ребята переглянулись. Наконец она стала гасить везде свет – музей погрузился во тьму.

Где-то вдалеке хлопнула входная дверь, и все замерло.

– Ща начнется, – прошептал Миха. – Ща эти манекенты гулять станут.

– Молчи! – тоже шепотом отозвался Колька.

Долго было тихо. Только зловеще каркали снаружи вороны, устраиваясь в своих гнездах на липах, да завyla вдруг собака на кладбище.

В самой дальней комнате ударили часы. Гулко отбили полночь и смолкли, будто им самим стало страшно.

– Во, – опять не выдержал Миха. – Самое время настало. Однозначно.

И словно в подтверждение его страхов послышался непонятный лязг, а за ним мерные тяжелые удары в пол.

– Рыцарь идет, – угадал Миха и сполз на самое дно кареты, снова зажимая некстати зачесавшийся нос.

Колька и Костик чуть раздвинули шторы, уткнулись в щелочку.

В зале было достаточно светло. В окна падал лунный свет и лежал на полу ровными квадратами. В его неверном сия-

нии казалось, что зал пришел в какое-то неясное движение.

Лязг и шаги приближались. Замерли у дверей.

Стало по-настоящему страшно – безоглядно, как в кошмарном сне.

Двери медленно раскрылись, и в зал, звеня и лязгая, вступил рыцарь в полном боевом доспехе. Постоял на пороге, словно осматриваясь, снова забухал железными ногами в пол, поднимая в далеких углах зловещее эхо.

Он ступал тяжело и важно, будто обходил свои владения.

– Ну погоди! – Колька стал решительно на шаривать ручку дверцы.

– Не связывайся! – прогундосил с зажатым носом Миха и вцепился в него.

Но не удержал.

Колька вылетел в распахнувшуюся дверцу на середину зала, сорвал со стенда шпагу и стал на пути рыцаря.

Тот, не говоря ни слова, высоко поднял свой длинный, блестящий в лунном свете меч.

Миха оглушительно чихнул и вслед за Костиком вывалился из кареты...

Миха, надо сказать, учился не очень усердно, но из истории хорошо запомнил, что, если пса-рыцаря сорвать с коня или свалить с ног, подняться ему уже без посторонней помощи из-за тяжелых доспехов не по силам. Поэтому он завопил и, бросившись на рыцаря сбоку, изо всех сил толкнул его в железное плечо. И точно: со всего маху, со звоном – будто

на кухне оборвалась со стены полка с кастрюлями – рыцарь рухнул на пол. Ребятам даже показалось, что он рассыпался, покатился в разные стороны всеми частями, гремя железом.

Но приглядеться не успели – тут же Михин вопль был словно подхвачен эхом. В соседнем зале тоже раздался испуганный крик, грохот, и кто-то стремительно, свалив городского в мундире, промчался к выходу.

Ребята, не сговариваясь, рванули за незнакомцем: впечатлений на сегодня хватит! Однозначно...

Таинственная фигура, вопя и размахивая руками, промчалась по залам, на секунду замерла у входной двери, чем-то звякнула – и вылетела наружу.

Угнаться за ней не было мочи. Да и не думалось об этом – самим бы удрать поскорей.

Ребята почти одновременно подлетели к захлопнувшейся двери и толкнулись в нее со всего маху! Но – дверь не поддалась!! Еще раз ударились в нее плечами. Вместе. По очереди. Бесполезно! А сзади, в темноте залов, уже мстительно звенел поднявшийся на ноги рыцарь...

Первым пришел в себя Костик. Он оттолкнул Миху, который колотился в дверь, как мотылек в ламповое стекло, и... потянул дверь на себя – она охотно распахнулась. Миша нервно хихикнул, и ребята вылетели из музея, помчались темной аллеей, на которой лежали густые от луны тени лип и мраморных статуй.

– Все, – перевел дыхание Миша, плюхнувшись в лодку и

хватая весла. – Я больше так не играю. У меня и так дикция плохая. А с вами вообще зайкой останешься. Или посидеешь до пенсии. Однозначно. Эти рыцари ходячие... Эти чучела стоячие... Все! Сдаюсь без боя...

Он ворчал всю дорогу до села. Греб так, что за кормой бурлила разбуженная вода.

Причалили – уже светало. Вбежали на горушку, мимо школы и церкви – в штаб-квартиру. По дороге свистнули под Галкиным окошком.

На терраске еще не отдышались, а Галка уже прибежала.

– Я почему-то так за вас волновалась, – сказала она.

– Еще бы! – вздохнул Миха. – Это не музей, однозначно. Это какое-то бандитское гнездо. С призраками...

– Это еще не все, – перебил его Колька. – Дверь-то в музей не заперта была.

– Это как? – Миха разинул рот.

– Вернее, она была закрыта на засов.

– Какая нам разница?

– Сообрази, – посоветовал Колька. – Попробуй.

– Значит, кто-то посторонний заперся в музее, – заключила Галка. – Изнутри.

– И ему кто-то НЕ посторонний отпер двери! – добавил Костик.

– Вот именно, – кивнул Колька. – Темные дела там творятся.

– Кто же это был? – задумалась Галка. – Вы не разглядели

его?

– Темно было, только луна светила.

– Вроде в пиджаке, – стал припоминать Костик. – По-мо-ему...

– И в штанах, однозначно, – перебил его Миха.

– Кажется, в таком... в клетку.

– В клетку! – завопил Миха. – А то, что нас какой-то железный истукан чуть не стоптал, – забыли?

– И мне показалось, что в клетку, – добавил Колька, не обращая внимания на его панику. Казалось, Колька был так спокоен, потому что догадывался, какой такой истукан гремел доспехами по залу. – Давай, Костик, покупай себе красивый чемодан и вселяйся в гостиницу. Иначе мы в этом деле не разберемся.

Костик вздохнул. А Миха посмотрел на него с сочувствием.

Глава III

Один негодяй и два злодея

Граф – это не кличка. Граф – это дворянский титул. И когда Владика Голубеева называли Графом (чаще всего в насмешку), он бывал отменно этому рад. И страшно гордился. Безо всякого, правда, на то основания. Потому что граф из Владика никак не получался. Ну не было в нем никакого дворянского благородства. Был он откровенно глуп и заурядно ленив. И ничего у него в жизни не ладилося: школу окончил плохо, в институт не поступил, с работой тоже не получалось – отовсюду его гнали из-за неумелости, глупости и лени. Тем не менее Владик считал себя человеком исключительным из-за своего дворянского происхождения, о котором ему все время напоминала его бабушка. «Бабенька», как называл ее Владик с детской поры.

Впитав ее наставления, Владик так и не понял, что дворянство – это прежде всего честь и отвага, беззаветное служение Отечеству, готовность защитить его своей шпагой от любых бед. Даже ценой собственной жизни. А бедный Владик считал, что титул, благородное происхождение – это богатство, слава, исключительное положение среди тех, кто похвастаться этим не может.

– Ты, Владислав, совсем не достоин своих предков, – ну-

дила «бабенька». – По-французски не говоришь. Танцевать не умеешь. К фортепьяно не присаживаешься. Никаких в тебе аристократических талантов.

– Главный талант, бабенька, – важно отвечал Владик, – это деньги. А вот их-то и не хватает моему благородию.

– Ты, Владислав, должен всегда помнить о своем происхождении. Гордиться голубой кровью и белой костью.

Но толку от этих «белых кровей и голубых костей» Владiku никакого не было. До той поры, пока однажды бабушка не рассказала вдруг в припадке ностальгии семейное предание. Рассказала не просто, а на ухо своему балбесу внуку.

И по мере того, как она говорила, Владик все шире раскрывал глаза. И рот.

Вот тут-то он и понял, что может стать настоящим графом – богатым и независимым. И презирать остальных людей уже не исподтишка, а на полном основании.

Известно, что если в голову глупому человеку приходит вдруг какая-нибудь идея, то идея эта тоже, как правило, глупая.

Но Владик этого не знал. И потому, преодолев наследственную лень, азартно взялся за ее реализацию.

Первое, что он сделал, – это проверил некоторые факты из бабенькиного рассказа. Для этого юный аристократ посетил дальнюю родню, в доме которой, он знал, частенько бывает известный профессор и историк.

Оказавшись с ним рядом за чайным столом, Владик

небрежно повел разговор о всяких исторических ценностях и реликвиях и задал примерно такой вопрос:

– А вот, скажем, сколько сейчас могут стоять подлинные документы декабристского движения?

– Нисколько, – совершенно спокойно ответил профессор, отставляя чайный стакан. Ему не нравился этот глуповатый и, кажется, жадный молодой человек. – Нисколько, – раздумчиво повторил профессор. – Им нет цены, если хотите знать.

– Все имеет цену, – поучительно проговорил наш граф.

– Даже честь, ваше сиятельство? – едко усмехнулся профессор. – Вам ли, потомку древнего рода, так рассуждать!

«Потомок» не заметил в его словах иронии и надменно изрек:

– Не будем ломать копыя об эту тему. Так сколько все-таки они будут стоять?

– Я же вам, юноша, русским языком говорю: они бесценны. Бес-цен-ны!

Владик пошевелил губами, будто что-то в уме подсчитывал, подвигал бровями, чмокнул...

– Ладно, – сказал он и тут же поднялся из-за стола.

– Дело, стало быть, только за тем, – бросил ему в спину профессор, – чтобы разыскать такие документы. Как говорится, во тьме веков.

– А уж это моя проблема, – не оборачиваясь, презрительно процедил «потомок».

Профессор внимательно посмотрел ему вслед и покачал

головой.

Второе, что сделал Владик, – подыскал себе сообщников. Точнее – исполнителей. Ведь дело, которое он затевал, было как-никак довольно щепетильным. Более того: оно было опасным и без нарушения закона невыполнимым. А Владик как потомок не собирался ни подвергать себя опасности, ни конфликтовать с законом. Черновую работу должны сделать за него «черные» люди.

...И вот в один прекрасный день Владик исчез из родного города. Даже не попрощавшись с бабенькой. Чтобы появиться совсем в другом месте и совсем в ином качестве.

На окраине городка Дубровники, в маленьком кособоком домишке жила-была любопытная и говорливая старушка. Прирабатывала к пенсии уборщицей в музее. И очень ей там нравилось: тут тебе и сотрудники, и посетители. Так что в рабочее время бабуля могла сполна удовлетворять свою потребность в многословии и сплетнях. А вот дома маялась. Ну не с кем ей поговорить! Разве что с кошкой или с древними ходиками, которые давно уже разучились постукивать как положено и спотыкались на каждом «тике» и «таке». Что давало старушке возможность поворчать на них по этому поводу.

Но вот и ей повезло. Некоторое время назад напросились к ней в жилыцы два парня. Как они сказали, студенты-историки. Один – веселый и говорливый, под стать хозяйке. Дру-

гой – напротив, все больше помалкивает. Первого Артемкой звали, второго – Василием. И плату хорошую предложили, и поболтать стало с кем. Спрашивали они много и слушали хорошо. Особенно – о музее. О его сотрудниках, о распорядке. Бабуля – и рада стараться, все, что знала, выкладывала. И «об экспонаторах», и «об манекентах».

– А Сашка этот одно слово чумовой. Костюм какой напялит древний и цельный день в нем шляется по залам. Людей пугает. Бывает, станет середь других манекентов – и не узнать его. А кто мимо пройдет, он возьми да и скажи чего. Так на месте и подскочишь. Раз такое было – вечер уже, убираюся я, да что-то боязно стало. Манекенты енти, как живые, стоят. Ну, ровно привидения. А один-то, как я мимо шла, возьми да чихни! Я аж подскочила на месте. Испужалась – страх! И тряпкой его по усатой морде. – Бабуля перевела дыхание от пережитого. – А он мене саблей под зад, правда, плашмя – и смеется: рази, говорит, тетка, можно так экспонаторы грязной тряпкой лупить... Сашка это оказался.

– А он что же, всю ночь там ошивается? – спросил студент-молчун. – Ночует там?

Тут у старушки почему-то забежали хитрые глазки, и она попробовала увести разговор в сторону, но не удалось: парень настойчиво вопрос повторил.

– Так кто его знает, – уклончиво ответила уборщица. – Ключи-то у него другие есть. Может, и ночует... – Онаглянула на прихрамывающие ходики с мордочкой хитрого кота

и поднялась. — Что-то я засиделась с вами. Спать пора уже. — И бабуля ушла в свою комнату.

Василий выплеснул в раковину недопитый чай из кружки, налил в нее пива из банки, слизнул поднявшуюся пену и сказал:

— Я поднимаю этот тост...

— Не тяжело? — перебил его веселый Артемка.

— Что — не тяжело? — удивился Вася.

— Тост поднимать.

— Не понял, — Вася нахмурился.

— Поднимают, Вася, бокал, рюмку, — поучительно разъяснил Артемка. — Стакан, на худой конец. А тост, Вася, производят.

— Шибко ты умный, Темка. Чересчур, на худой конец. — Видно было, что Вася обиделся. — Зачем ты всю эту хреновенькую затеял, а?

— Темен ты, Вася, как погреб у бабки. — Артем откинулся на спинку стула, оторвал его передние ножки от пола и стал покачиваться на двух оставшихся. — Вот напомни мне, когда менты приехали на сигнализацию?

— Через две минуты и сорок секунд.

— А в другой раз? — Тема ловко балансировал на стуле и даже банку с пивом сумел открыть.

— В другой раз — через три.

— А в третий, Вася, припомни?

— Через тридцать.

– Вот! – Тема назидательно поднял банку с пивом. – А после они и вовсе не станут ездить – неисправна она, мол. Следственно, Вася, мы будем иметь с тобой спокойное время, чтобы не только отыскать нужный предмет для нашего дурака-шефа, но и спокойно уйти с ним.

– А этот? Сашка с усами? Если он впрямь там ночует?

Тема качнулся на стуле, поднес банку ко рту. Не получилось. Вернее, получилось не то, что он хотел. Стул все-таки опрокинулся. И пиво все-таки вылилось. Но не только в рот. В нос, в глаза, в уши. И за шиворот.

– Доигрался? – спокойно спросил Вася. – Связался я с тобой... – Он снова наполнил свой стакан и упрямо сказал фыркающему на полу Теме: – Я поднимаю этот тост за то, чтобы мы, на худой конец, благополучно выдернулись из этой хреновины.

– Дядя Андрей, – сказал Костик за завтраком, – я недельку поживу в Дубровниках, ладно? Мы с ребятами решили в музее поработать, помочь сотрудникам.

– Представляю... – хмыкнул участковый.

– А что? Они будут рады. Их всего-то несколько человек, работы много, зарплату им не платят. Лишние руки не помешают.

– Это смотря какие руки. Не Кольки ли Челюкана? В связи с записками? Я ведь его попросил среди ребят поразведать, а он решил в музее искать, да?

– Ну, не знаю... Нам кажется, что эти записки кто-то из своих подбрасывает, из сотрудников. Вот мы заодно и выясним.

– Заодно, – опять усмехнулся Гатников. – Вы не очень-то там активничайте. А если что-то выясните, сразу сообщайте мне.

– А как же! – Костик преданно распахнул глаза. – Конечно! Чужой славы нам не надо. Нам своей хватает.

– Эт-точно, – на манер красноармейца Сухова согласился Ратников. – Тебя подбросить?

– Еще чего! Приеду в музей на милицейском мотоцикле! Мы с Коляном лодочкой доберемся.

Костик собрал вещи, переоделся в городскую одежду и спустился к реке.

Ребята уже ждали его. Миха с одобрением окинул взглядом Костин «прикид»:

– Хорош! На князя Оболенского похож. Однозначно. Хотя я его не видел.

А Колька деловито спросил:

– Пистолет не забыл?

Костик тряхнул сумкой, показывая, что вот он, здесь. Этот пистолет ему подарил отец в тревожное время. Он был совсем как настоящий – большой, тяжелый, вороненый, крупного калибра, но стрелял холостыми патронами. Правда, очень убедительно: громко, с язычком пламени из ствола, с лязганьем затвора. Но был, к счастью (или к сожалению),

не опаснее обычного молотка.

– Садись на корму, барин, – сказал Миха. – Не утруждай белы ручки.

Дежурный администратор гостиницы – светловолосая девушка Оля Воронцова – улыбнулась, взяв новенький паспорт Костика:

– Какой же ты Оболенский? Ты же Чижик.

– Это по отцу. А мама моя – урожденная Оболенская, – пояснил Костик.

– Тогда плохо твое дело, – Оля опять улыбнулась, протягивая ему ключ от номера. – Эта комната пользуется дурной славой.

– В ней привидения цепями звенят и стонут по ночам, да? – поддержал Костик шутку. Ему нравилось болтать с этой девушкой. У нее были удивительно длинные ресницы. Когда она моргала, казалось, по комнате проносится теплый ветерок.

– Зря смеешься. Ведь именно из этой комнаты загадочно исчез твой предок. И с тех пор, – Оля перегнулась через стол и трагически зашептала: – С тех пор в этой комнате всегда происходит что-то необычное. То что-то исчезнет, то что-то появится. А если в ней ночует постоялец по имени Сергей или по фамилии Оболенский, с ним обязательно случается что-то недоброе!

– Сигареты теряются? – засмеялся Костик и подбросил

ключ на ладони. — Так я не курю.

— Вспомнишь мои слова, — пообещала Оля. И хотя в ее голосе были веселые дружелюбные нотки, что-то в этой фразе прозвучало угрожающе.

А на следующий день Оля с удивлением смотрела на стоящего перед ней иностранного господина.

На иностранца он был похож как собака на кошку. Все-го-то в нем иностранного было: темные очки, шляпа с перышком и ужасающий акцент.

— Мой цель, — он стучал пальцем с перстнем по барьерчику, — изучать русски учени работать музейный экспонатер. Вы все ясно как мой говорить?

— Мы все ясно как твой говорить, — машинально ответила Оля. — Ой, извините! Я все поняла. Пройдемте сейчас к директору музея, это рядом.

Гостиница занимала флигелек рядом с домом-музеем. В ней было всего несколько номеров, и селили в них обычно ученых, писателей и журналистов, которые приезжали в музей работать: писать научные статьи, книги, корреспонденции...

— К вам, Афанасий Иванович, — сказала Оля, пропуская иностранца в кабинет директора. — Журналист из Парижа. Изучать наш опыт.

Директор музея Афанасий Иванович Староверцев встал навстречу гостю, протянул руку.

Иностранец резко наклонил голову в приветствии, отчего его шляпа упала на нос.

– Мой звать имя Николая Пижон. – Француз вернул шляпу на место, не догадываясь ее снять.

– Мы можем говорить на вашем родном языке, – по-французски сказал Афанасий Иванович, – если это вам удобнее.

Иностранец почему-то захлопал глазами.

– Но, – решительно возразил он после паузы. – Мой должен русски язык люче понимает. Русски говорить. Русски писать. Русски кушать. Русски спать.

– Серьезная программа, – улыбнулся Староверцев, вновь переходя на «русски» язык. – Что ж, мы всегда рады, когда печать проявляет интерес к нашим проблемам. Окажем вам любую помощь. Олечка, оформляйте месье Пижона в нашу гостиницу и вводите его в курс наших дел. И Саше его представьте.

– О! – Пижон приподнял шляпу. – Мне хотелось сам выбирайт аппартаментер.

– Да ради бога. Гостиница сейчас пуста. Один только постоялец. Юный потомок князя Сергея Оболенского...

– О! – Пижон выронил шляпу. – Тот есть Сергей исчезать навсегда? Один раз ночью? Пижон знайт этот старинный и красивый легенда.

– Это не легенда, – вступила в разговор Оля. – Это был.

– Пыль? О, ошень понимает. Пыль веков, так?

– О господи! – вполголоса проговорила Оля. – Будет нам

с ним хлопот! – И пояснила французу: – Не пыль, а быль, былина.

– О! Понимайт! Большой пыль – пылина!

Афанасий Иванович едва сдержал улыбку. А Ольга откровенно фыркнула. Но тут же приняла деловой вид и повела француза в гостиницу.

Гостиница располагалась совсем рядом с графским домом, во флигеле. Их соединяли красивые развалины – крытая галерея.

– А под этой галереей, – пояснила Оля на ходу, – у графа была оранжерея, где росли диковинные цветы и фруктовые деревья.

– Писины? – заинтересовался Пижон.

– И апельсины. И даже бананы, – девушка распахнула дверь флигеля. – Мы пришли, выбирайте себе номер.

Иностранец зачем-то достал бумажник, вынул из него блокнотный листок, повертел его, что-то бормоча, и показал на одну из дверей:

– Здесь будет Пижон.

Оля глубоко вздохнула:

– Здесь Пижон не будет. Этот номер уже занят. Здесь живет юный Оболенский. Рядом такой же номер, не хуже.

Пижон подумал, почмокал – такая у него была привычка и строго сказал:

– Оболенски – туда, Пижон – сюда!

Оля вздохнула еще глубже:

– Месье Пижон, договоритесь, пожалуйста, с ним сами. Он скоро придет.

Теперь вздохнул, соглашаясь, Пижон. И всем своим видом постарался показать, что ему ничего не стоит уговорить какого-то мальчишку поменяться с ним комнатами.

– Вот и хорошо, – с облегчением произнесла Оля. – Отдохните немного и приходите в музей. Наш научный сотрудник вам все расскажет и покажет.

– Да, – важно кивнул Пижон, принимая от нее ключи. – Очень покажет. Сильно расскажет.

Оставшись один в номере, Пижон повел себя в высшей степени странно. Осмотрелся, достал из бумажника еще один листок, повертел его, как и первый, чмокнул. Подошел к одной стене, приложил к ней ухо и стукнул в нее костяшками пальцев.

Сильно стукнул, даже ушибся. Но, тем не менее, проделал эту дурацкую операцию со всеми оставшимися стенами, кроме той, где было окно.

Результат ему не понравился, и он буркнул себе под нос что-то неразборчивое. По-французски, наверное...

Сначала эта комната Костику очень понравилась: по-старинному уютная, с большой печью в изразцах и с фигурными ручками на дверцах и выюшках. С огромной кроватью под шатром балдахина: зеленое стеганое одеяло, столбики по углам – ни дать ни взять футбольное поле с воротами. Глубо-

кое, «покойное», как когда-то говорили, кресло с подголовником и приступочкой для ног. Стены, обшитые древними дубовыми панелями из вертикальных досок, а на стенах – всякие картинки из охотничьего быта помещиков.

Это сначала понравилось – днем. А к вечеру что-то в комнате изменилось. Из уютной и загадочной она стала какой-то зловещей. Солнце зашло – и панели на стенах потемнели. Охотники на картинах стали больше походить на разбойников. Забраться в кровать – и то страшно, еще заблудишься в ней спросонок. И Костику стало почему-то казаться, что за ним все время наблюдают чьи-то недобрые глаза. Из-за спины. Обернешься – нет ничего. Отвернешься – опять кто-то строго и недовольно, как на непрошеного гостя, смотрит в затылок.

Костик не раз уже пожалел, что не согласился впустить в окошко Кольку – вдвоем-то совсем другое дело...

Он посидел в кресле с книгой, листая ее, но совершенно не понимая, что читает, прислушиваясь к шорохам – то в пустом коридоре, то за окном. И все время чувствуя враждебный взгляд...

Наконец ему это надоело, и он решил лечь спать.

Костик выключил свет и распахнул окно. За окном тихо зашелестел в листве кладбищенских деревьев мелкий ночной дождик. Чирикнула спросонок какая-то птица. В ответ ей злобно каркнула ворона. Хрипло, пугающе. И вдруг где-то среди старинных надгробий и покосившихся крестов ди-

ко завыла собака.

Костик передернул плечами, закрыл окно – и вздрогнул от внезапно зазвонившего телефона. Дрогнувшей рукой он снял трубку.

– Сережа? – спросил далекий глухой голос. – Оболенский?

– Вы ошиблись, – хрипло ответил Костик.

– Я никогда не ошибаюсь, – прозвучали зловещие слова. – Не спи сегодня, Сережа. За тобой придут. В полночь. – В трубке раздался злорадный смешок.

Костик почувствовал, как по спине пробежали мурашки.

Чушь, конечно, подумал он, успокаивая себя, кто-то дурачится. Не Колька ли?

Костик отключил телефон и забрался в постель. На этой кровати он чувствовал себя так, будто улегся спать на зеленом поле стадиона.

Постепенно он согрелся, успокоился, задремал...

Да вот не тут-то было! Где-то далеко и глухо пробило полночь. Сквозь наплывающий сон ему вдруг почудились в дальнем конце коридора чьи-то осторожные размеренные шаги. Кто-то, стараясь ступать тихо, шел к его комнате. И Костик сразу же вспомнил предупреждение по телефону: за тобой придут. В полночь...

Костик оторвал от подушки голову, прислушался. В коридоре раздавалось приглушенное «топ-топ»...

В комнате было почти светло – дождик иссяк, ветерок

разогнал облака вокруг луны, она светила яростно и молчаливо.

Топ-топ... Топ-топ... Шаги приблизились, замедлились, замерли у двери.

Костик привстал, опираясь на локти, во все глаза уставился на нее. И ясно увидел, что ручка двери медленно повернулась, пошла вниз – кто-то пытался с той стороны открыть дверь.

Ручка уперлась, остановилась. В коридоре слышалось какое-то невнятное бормотание, какие-то смутные неясные звуки. Ручка вернулась в прежнее положение, а вместо нее стал подрагивать ключ в замочной скважине, закачалась вдетая в его ушко фанерная бирка с номером. Казалось, будто кто-то снаружи пытается либо повернуть ключ, либо вытолкнуть его из замка.

Костику было жутко, как в кошмарном сне, когда стараешься убежать от страшного на ватных ногах, а оружие твое стреляет во врага ватными пулями...

И тут Костик вспомнил про пистолет. Сунул руку под подушку, нащупал теплую рифленую рукоять – и стало спокойнее, появилась уверенность. Он откинул одеяло, не спуская глаз с шевелящегося ключа, подкрался к двери, приложил к ней ухо – там, в коридоре, кто-то недовольно сопел и что-то бормотал.

– Кто там? – грозно, как ему казалось, окликнул Костик, ожидая, что в ответ ему вззоет какой-нибудь туманный при-

зрак и просочится в комнату сквозь дверную щель.

Но за дверью что-то звякнуло в пол и слышались торопливые убегающие шаги.

Костик включил свет, повернул ключ, распахнул дверь. И никого не увидел. Только мелькнула в конце коридора неясная тень. А в свете, падающем из комнаты на пол, что-то блеснуло. Костик нагнулся и поднял какую-то непонятную железячку вроде изогнутой проволоки с мелкой гребеночкой на конце. Мальчик машинально сунул ее в карман пижамы и, не убирая пистолет, пошел вдоль коридора, нажимая по очереди на ручки дверей. Ни одна из них не открылась.

Костик вернулся в номер, запер дверь, обмотал бечевку с бирочкой вокруг ручки. И просидел в кресле до утра, положив на колено руку с зажатым в ней пистолетом...

Глава IV

Тайна князя Оболенского

– С чем пожаловали, отроки? – приветствовал друзей Саша, одетый на этот раз в вороненую кирасу и ботфорты, как у кота в сапогах.

Ребята не сразу ответили, потому что их новый знакомый занимался очень интересным делом: натягивал специальным механизмом тетиву арбалета.

Он вложил в него короткую толстую стрелу с черным оперением, взял арбалет на изготовку.

– Такая стрела на ста саженьях любые доспехи брала, – похвалился «мушкетер», выискивая глазами цель.

Разговор происходил в холле, и подобрать мишень было сложно. Саша несколько раз наводил оружие на уродливую вазу, возвышавшуюся на не менее уродливой подставке.

– Руки чешутся, – пожаловался он. – Да нельзя. Ее какой-то коммерсант передал в дар, обидится, деньжатами обделит.

– А вы это... Мегеру подстрелите, – посоветовал Миха. – Она все равно разваливается. Однозначно.

– Скажешь тоже, – фыркнул Саша, – ей триста лет.

– Тем более, не жалко... А, щас, принесу, – сообразил Миха и выскочил на улицу.

Вернулся он с тяжелой дубовой крышкой от кадки, при-
слонил ее к стене.

Саша одобрительно прицелился, надавил на спуск. Взвигнула тетива, просвистела стрела и глухо вонзилась в дерево – только кончик ее дрожал черным оперением.

– Так с чем пожаловали? – повторил вопрос Саша, с трудом вытягивая стрелу из крышки.

– Дай стрельнуть, а? – Миха приплясывал от желания пустить стрелу. – Мы это... краеведы юные, помочь вам хотим. – Он прицелился, выстрелил. Стрела подозрительно близко промелькнула рядом с вазой. Но в крышку попала, правда, с самого края. – А он, – Миха кивнул в сторону Костика, – он Оболенский, потомок. Ему интереснее всех.

– А не боитесь, что рыцарь вас затопчет? – усмехнулся Саша.

– Так это вы были? – спросил Костик.

– Я, – уже серьезно ответил Саша. – Понимаете, ребята, кто-то все-таки бродит ночами по музею. Мы новую сигнализацию заказали, деньги нам выделили. А пока я решил сторожить по ночам. Думаю, пугну это привидение как следует – больше не сунется.

– А доспехи?

– Примерял. Интересно ведь, правда? Почувствовать себя древним воином! Им, правда, оруженосцы одеваться помогали, там одних застежек больше десятка. Ну, я просто так накинул...

- Потому и развалился, – напомнил Миха. – От одного моего удара. Однозначно.
- Ладно, – Саша забрал арбалет. – Пошли к директору. А вы, отроки, если что-нибудь заметите, сразу мне сообщите.
- Однозначно, – согласился Миха и важно добавил: – Нас об этом и милиция просила.
- Я уже заметил, – решился Костик.
- А что такое? – Саша был внимателен и напряжен.
- В гостинице. Ночью. Кто-то по телефону звонил. Оболенского спрашивал.
- Ну, – Саша с хитринкой и облегчением улыбнулся. – Это бывает. Комната знаменитая...
- И кто-то пытался в нее ночью проникнуть, – добавил Костик, не принимая шутливого тона.
- Улыбка тут же исчезла с Сашиного лица.
- Как?
- Сначала пробовал дверь открыть, а потом чем-то в замке ковырялся. Я выскочил в коридор, а там – никого!
- Спугнул! – расстроился Саша.
- Я сам больше испугался, – признался Костик. Про железячку у порога он почему-то не сказал.
- Кто же это мог быть? И какого черта ему в гостинице надо? Впору капканы по музею расставлять...

Запасник музея временно разместился в сводчатом, тесном от множества вещей подвале. По неровным стенам, по

крутому потолку двигались ломаные тени. Голоса звучали глухо, быстро гасли под каменными сводами.

Афанасий Иванович очень обрадовался, что «отроки» предложили свою помощь. Работы в музее было много. Горожане его любили, гордились им и щедро одаривали предметами старины. Что-то из них сразу же находило свое место в экспозициях, а основная масса складывалась в подвал, где ждала своего часа. Эти предметы нужно было разобрать, описать, установить историческую ценность, занести в специальные журналы. Рук на все не хватало. Сотрудников в музее было очень немного, трудились они в основном на общественных началах, и помощь ребят оказалась очень кстати.

Работали дружно и весело. Потому что – интересно. О каждой старинной вещи Афанасий Иванович и Саша рассказывали столько необычного, что друзья совсем иными глазами посмотрели на эти старые, ржавые, трухлявые предметы и совершенно забыли о том, зачем они здесь.

Но вопрос этот всплыл сам собой.

Саша стащил с какой-то дальней полки огромный, старинного вида кожаный чемодан, вытертый, потерявший цвет и форму. Расстегнул его ремни, поднял крышку и торжественно произнес, держа над чемоданом подсвечник:

– Личные вещи князя Сергея. – Это прозвучало так, словно он сказал: «Личные вещи императора Наполеона».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.